

Влияние английского на немецкий и русский языки в эпоху глобализации

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.111

А. В. Витошнова

Аннотация

Статус английского языка как мирового признаётся всеми безоговорочно. Обеспечение понимания между странами в условиях глобализации диктует необходимость унифицирования общения. Восприимчивость к данному процессу у всех языков разная: этот фактор определяет цель исследования: выявить, один ли русский язык восприимчив к подобному влиянию до степени, которая вызывает опасения у его носителей. Материалом исследования послужило языковое наполнение русско- и немецкоязычных сайтов и социальных сетей как основных платформ взаимодействия членов современных лингвокультурных коллективов. При изучении интернет-ресурсов нами применялся метод сплошной выборки, анализ и сопоставление данных. Мы пришли к выводу, что влияние английского на русский и немецкий языки примерно одинаково. Однако, сопоставив развитие взаимоотношений между данными парами языков, мы увидели, что темпы и этапы этих взаимоотношений совершенно разные. Это обусловлено социально-экономическими, политическими факторами: американизация немецкого языка происходила плавно, в несколько этапов в течение XX–XXI веков, в то время как русский язык сегодня испытывает на себе в известном смысле первую и, возможно, самую мощную волну американизации.

Ключевые слова: английский язык, англицизмы, немецкий, русский, языковая интеграция.

Сегодня влияние языка международного общения на остальные является одним из главных предметов дискуссий по всему миру. Различные государства стараются противостоять (на уровне повседневного общения) наплыву англицизмов и (на национальном уровне) “империализму” английского языка в сфере экономики, рекламы, торговли и др. Показательна в этом плане языковая политика Франции, направленная на укрепление позиций французского языка как в мировом сообществе, так и в рамках собственно Франции. В некоторых странах Северной Европы также растёт беспокойство, вызванное тем, что английский язык в университетах и научных исследованиях практически вытеснил национальные языки [The Economist. <https://www.economist.com/culture/2023/08/04/in-northern-europe-a-backlash-against-english-is-under-way>, 04.08.23]. Основное опасение вызывает тот факт, что по мере замещения английским языком языков национальных, их лексический фонд, не используясь, со временем рискует устареть и ослабнуть. В датской англоязычной газете “Копенгаген Пост” приводятся слова профессора копенгагенского университета, лингвиста Хенрика Готтлиба, о досадности замещения датского выражения *tag det roligt* выражением *rolig nu*, по образцу английского *easy now* [Christian Wenande. Super fedt or f*****g lort? English invading the Danish language CPH Post. <https://cphpost.dk/2019-01-18/news/super-fedt-or-fg-lort-english-invading-the-danish-language>, 18.01.19]. По мнению Готтлиба, влияние английского языка на датский достигло беспрецедентного размаха за последнее десятилетие. В российских СМИ регулярно звучат призывы к борьбе против наплыва англицизмов, например: *Губернатор Курганской области призвал отказаться от “рофлов” и “кринжа”* [Коммерсантъ <https://www.kommersant.ru/doc/6081354> 30.06.23].

Безусловно, помимо истории английского как *lingua franca*, у него (как и у некоторых других языков) есть “локальная” история отношений с национальными языками в каждой европейской стране. И этот факт необходимо учитывать, чтобы объяснить глубину и степень влияния английского языка на каждый национальный язык в отдельности.

Наглядно разнородность отношений английского языка с другими демонстрирует, например, статистика переводов. По данным “Index Translationum ЮНЕСКО” в период с 2000 по 2013 год с английского языка на русский было переведено 27 740 произведений, на немецкий — 64 164. В тот же период на английский с русского было переведено всего 1466 произведений, с немецкого — 10 951. Эти данные говорят как о масштабности роли английского языка в современном мире, так и о разной степени отношений его с русским и немецким языками.

Споры о степени влияния, уместность замещения немецких или русских лексем их английскими эквивалентами, борьба пуристов с распространением англицизмов — всё это имеет место как в России, так и в Германии. Но истории взаимоотношений английского с языками Германии и России настолько разные, что проводить между ними знак равенства не представляется возможным; стоит проследить этапы этих отношений, прежде чем давать какую-либо оценку ситуации в настоящем и делать прогнозы на будущее.

В немецких грамматических школах английский язык как обязательный второй иностранный изучался с 1901 года; изучение шло планомерно, с некоторым ослаблением в период правления Третьего Рейха, когда изучение иностранного языка в принципе потеряло значимость — культивировался только немецкий язык и немецкая культура [Дофф 2020]. Следующим после английского иностранным языком

в школах был французский, который окончательно отходит на второй план в 1938 г. по идеологическим соображениям: таким образом, к середине XX века английский укрепляет свои позиции в немецких школах. После Второй мировой войны он продолжает оставаться главным иностранным языком в школах за исключением школ ГДР, где стали изучать русский как иностранный, но и там английский остался — как иностранный второй.

В русских школах в XIX веке и вплоть до революции основным иностранным языком в школах был французский язык, за ним шёл немецкий. В СССР основным иностранным становится немецкий, во многом благодаря идеологии нового государства: классики коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс были немцами. Английский язык как язык классового врага, американских капиталистов, в плане изучения едва ли рассматривался. Достаточно прочная позиция немецкого языка была ожидаемо подорвана после Второй мировой войны. Потребовалось время, чтобы английский язык появился в педагогической практике — постепенно, к 1970 году с тем, чтобы окончательно закрепиться в российских школах как второй иностранный лишь к середине 1990-х годов.

Помимо статуса английского языка как второго иностранного в образовательной среде, его внедрение происходило разными путями и в лингвокультурологическую историю Германии и России. Первая волна американизмов “пришла” в Германию в конце Второй мировой войны вместе с американскими войсками. Профессор Ганноверского университета, М. Шрёдер, пишет о том времени как о периоде преклонения перед всем американским, включая язык [Клиппель 2020]. Первая волна объёмного пласта лексических заимствований из английского в немецкий язык, обусловленная экономическими и социокультурными фактора-

ми, приходится именно на этот период [Хильгендорф 2007]. Вторая волна, ещё более масштабная, пришла в немецкий язык с объединением Германии. По времени это почти совпало с мировой цифровой революцией, с массовым внедрением интернета во все сферы общественной жизни европейских государств: с тех пор английский язык в Германии прочно держит свои позиции. Эти позиции настолько непоколебимы, что один из членов трёхсторонней комиссии выступил с предложением ввести английский язык как второй официальный язык в Германии [Мэйр 2020]. Предложение принято не было, однако, этот факт сам по себе хорошо демонстрирует роль и статус английского языка в Германии.

В России ситуация совершенно иная. По идеологическим соображениям, а затем и вследствие политики страны, английский язык вплоть до распада СССР на русской лингвокультурной арене едва ли появлялся. Однако, с падением железного занавеса в 1990-е годы на Россию обрушилась запоздалая волна американизации; уже упомянутая цифровая революция удвоила этот эффект. Русская лингвокультура, ожидаемо отставшая от европейского (уже американизированного) лингвокультурного сообщества, сейчас всеми силами адаптируется к новым реалиям.

Англицизмы и американизмы, хлынувшие в последние десятилетия безудержным потоком на постсоветское пространство, до сих пор “перевариваются” русским языком. Разногласия в произношении и написании некоторых из них, а также нескончаемые разногласия по поводу их статуса в русском языке подтверждают относительную новизну англоамериканизмов как явления.

На первых порах почти любые заимствования чувствуют себя “неуверенно” в чужом языке. Так, транслитерированные *ресепи/е/н*, *продакш/е/н*, *промоуш/е/н* встречаются как с соеди-

нительной *e* так и без неё; русский язык, в традициях которого соединительный гласный присутствовать всё-таки должен, пока осваивает транслитерацию некоторых заимствований. В немецком языке “освоение” заимствований касается, помимо всего прочего, артиклей: например, *der/das Tattoo*.

Безусловно, общность алфавита упрощает отношения немецкого языка с английским. Так, слово *die Party* входит в немецкий язык уже давно и активно участвует в формировании новых словосочетаний: *Geburtstags-Party*, *Party-Gänger* и др. Примечательно, что слово *party* в начале XX века было знакомо немцам только по литературе, описывающей жизнь англоязычного общества. В воспоминаниях Клауса Манна о его посещении США слово *parties* пишется со строчной буквы и взято в кавычки, что говорит об экзотичности его для немецкоязычного читателя на тот момент: *Nach dem Theater gab es Geselligkeit im Hause des Authors; ich erinnerte mich sehr genau daran, vielleicht weil e seine der ersten grossen “parties” war...* [Розен 2000]

В русском языке слово *пати* (англ. *party*) появилось в конце 1990-х и сразу вошло в молодёжный обиход, практически вытеснив на некоторое время слово *вечеринка*. Отдельным предметом дискуссий является вопрос о том, насколько языку нужны иноязычные слова, замещающие уже имеющиеся номинации. Это явление касается в основном лексического уровня, который всегда и во всех языках был наиболее проницаемым и восприимчивым к заимствованиям.

Аналитичность английского языка и наличие у него признаков агглютинативного типа часто ставит перед русским и немецким языками необходимость дальнейшей трансформации заимствованных слов; особенно это касается разговорной речи. К корням англоамериканского происхождения присоединяются исконные русские морфемы. Немецкий язык, помимо морфем, добавляет артикли:

‘*Freak*’ (англ.), ‘*der Freak*’ (нем.) → ‘*freakig*’ (нем.), ‘*фрук*’ (рус.) → ‘*фриковатый*’ (рус.)

Количество лексических заимствований в обоих языках в последние годы всё труднее отследить; они являются важнейшим социолингвистическим фактором формирования экологии языка. Однако, длительность и интенсивность отношений английского с каждым из языков, сам характер этих отношений обуславливает различную глубину интеграции англоамериканской лингвокультуры в каждом отдельном случае.

Русский язык пока осваивает изменения на лексическом и морфологическом уровнях, в то время как в немецком языке изменения проникают гораздо глубже. Влияние языка международного общения оказывается наиболее активных в тех сферах, где общение происходит наиболее интенсивно: это, в первую очередь, молодёжная среда и сфера массовой культуры. В немецкой лингвокультуре американизмы ассимилировались настолько, что универсальный словарь Дудена, например, фиксирует четыре значения слова *cool*; при том, что данное слово раньше словарями не фиксировалось в принципе.

Интернационализация речевого общения в немецкоговорящем сообществе и её масштаб приводят к тому, что нормативный вариант английского языка в молодёжной среде сам по себе уже не является средством социализации или маркером принадлежности к некоему субкультурному сообществу. В немецкой хип-хоп культуре, например, активно используется афроамериканский английский (African American Vernacular English) — особая разновидность английского языка, сочетающая признаки диалекта и социолекта, который используется афроамериканцами.

“*Wir sind noch nicht tot, nein/ Fährt der Benz auf Chrom, ist Showtime / Bin ein Superstar so wie 2Pac, ja / Voll auf MDMA und*

*der Mond scheint / Hose und **Pullover in Oversized** / So komm' ich in' Club mit Pistole rein/ Brauch' nur **Weedstrains** und 'nen Beat von Dave und ein Mikrofon/ Penn' auf der Reeperbahn ein, wache auf in ei'm **Infinity-Pool**/ Neue PlayStation 2, **unser Life sweet, Cinnamon-Roll**" [Bonez MC & Gzuz, Cinnamon Rolls].*

Глубина, с которой английский язык проникает в немецкую лингвокультуру, определяется не только его вариативностью в употреблении представителями молодёжных субкультур. Так, слово *Ressourcen*, заимствованное из французского языка (бывшего главным языком-донором для немецкого), и неизменно произносившееся по правилам французской фонетики /*resursən*/, в последнее время всё чаще произносится на английский манер /*resorsən*/.

Под влиянием языка международного общения немецкие существительные стали терять свою яркую особенность: в комментариях на Ютубе, например, немецкоязычные пользователи всё чаще пишут существительные со строчной буквы. Таким образом, английский язык изменяет всю систему одного из старейших европейских языков изнутри, меняя незыблемые, казалось бы, правила. Это не кажется неожиданным в свете того, что, по данным западных исследователей, английский стал использоваться в повседневном общении немцев сразу после окончания Второй мировой войны [Мэйр 2020]. На фоне этого влияние английского языка на русский носит характер первых шагов и едва ли на данном этапе проникает в слои более глубокие, чем лексический; хотя специфика английского языка проявляется и тут.

Пришедшему из молодёжных субкультур слову *tru* (англ. *true*) в значении 'настоящий' не удалось присоединить благозвучную морфему, чтобы стать "полноценным" русским прилагательным. Это привело к тому, что оно используется

в чистой транслитерации, что противоречит правилам русского языка, однако, соответствует грамматике английского:

“*Тру Китай тинсы — красота без вреда*” [из рекламного проспекта].

‘*Тру-блэкер*’ (поклонники норвежского блэк-метала), ‘*тру-металлист*’, ‘*тру или не тру*’ и т. д.

Вероятно, наиболее яркие примеры следует искать в социокультурных феноменах больших городов. Собственно говоря, мегаполисы сами по себе являются социокультурными феноменами: они вбирают и отражают новейшие тенденции во всех областях — с учётом национальной специфики. Одной из наиболее востребованных и динамичных сфер сегодня является, в числе прочих, кофейная индустрия; здесь разница влияния английской лингвокультуры на русское и немецкое национальные сообщества совершенно очевидна. Так, например, позиции в меню одной из известных берлинских кофеен обозначены следующим образом:

Long Black (double shot, Wasser),

Poached Eggs Bowl (Pochierte Glory-Eier, griechischer Joghurt, Salsa Macha, eingelegte Zitrone, Brot),

French Toast (mit Erdnusbutter and Erdbeermarmelade gefüllt, dazu Vanilleis) и т. п.

Интегрированность английской лингвокультуры в меню немецких кофеен убедительна и безапелляционна, хотя в пояснении к названиям напитков и блюд наблюдается забавная комбинация двух языков. Подобное явление давно привычно жителям немецких городов, в особенности Берлина, города во всех отношениях поликультурного и полиязычного. В меню московских кофеен английские звучания позиций также завоевали своё место (‘*флэт уайт*’, ‘*скрэмбл с беконом*’, и т. д.), но лишь недавно стали появляться наименования на английском языке:

Новинки сезона:

Бабушкин чай,

Апельсиново-медовый flat white,

Berry Cheesy.

Кофейная индустрия, как один из наиболее актуальных трендов на сегодняшний день, ярко демонстрирует внедрение английской лингвокультуры в реалии практически всех европейских национально-этнических сообществ.

“Неизбежность” английского языка и его влияние на все мировые языки сегодня уже факт. Грамотная языковая политика каждого отдельного государства, обеспечение плавной интеграции иноязычных номинаций в национальный язык — залог сохранения национально-культурной специфики каждого языка и народа, который вовлечён сегодня в процессы лингвореволюции. Русский язык, по наблюдениям исследователей, всегда был исключительно толерантен к заимствованиям [Колесов 2006]: о “чистоте” его говорить не приходится, поэтому оптимальным решением в эпоху “глобанглизации” [Кабакчи, Белоглазова 2012] является разумное и плавное освоение англоязычной лингвокультуры вместе с заботой о сохранении русского языка.

Список литературы:

1. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 2012. 252 с. [Kabakchi, Viktor V. & Beloglazova, Elena V. 2012. *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu (Introduction to Interlinguoculturology)*. St.Petersburg : St. Petersburg State University of Economics and Finance Press]
2. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение. 2006. 489 с. [Kolesov, Vladimir. 2006. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste (Russian*

- mentality in language and text*). St. Petersburg : St. Petersburg Oriental Studies.]
3. Розен Е. В. На пороге XXI века: новые слова и словосочетания в немецком языке. М.: Издательство “Менеджер”, 2000. 190 с. [Rozen, Evgeniya V. 2000. *Novye slova I slovosochetaniya v nemetskom yazyke* (New words and word combinations in the German Language). Manager publ.]
 4. Doff, Sabine. 2020. English Language Education in Germany after 1945. In Raymond Hickey (ed.) *English in the German-Speaking World*, 96–114. Cambridge : Cambridge University Press.
 5. Duden Wörterbuch Online <https://www.duden.de/woerterbuch> (accessed: 02.08.2023). Hilgendorf, Susanne K. 2007. English in Germany: Contact, Spread and Attitudes. *World Englishes* (26), 131–148.
 6. Klippel, Friederike. 2020. The History of English Instruction in the German-Speaking World. In Raymond Hickey (ed.) *English in the German-Speaking World*, 77–96. Cambridge : Cambridge University Press.
 7. Mair, Christian. 2020. English in the German-Speaking world: an Inevitable Presence. In Raymond Hickey (ed.) *English in the German-Speaking World*, 13–31. Cambridge : Cambridge University Press.
 8. UNESCO Index Translationum. URL: <https://www.unesco.org/xtrans/bsform.aspx> (accessed: 13.07.2023).

Сведения об авторе:

Витошнова Анна Михайловна, ст. преподаватель НИТУ МИСИС, Москва, Россия; email: annafox@inbox.ru

THE INFLUENCE OF ENGLISH ON THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Anna M. Vitoshnova

Senior lecturer, NUST MISIS, Moscow, Russia;
email: annafox@inbox.ru

Abstract

The status of English as the world language is accepted by everyone and is no longer debated. The ensuring of understanding between countries in terms of globalization calls for communication unification. Languages differ in the susceptibility to this process; this factor defines the aim of the research — to find out if the Russian language is the only one so susceptible to the influence, that it raises concerns among its speakers. The research material is the contents of Russian and German sites and social nets, since they are the main platforms where modern linguocultural communities are interacting. When studying internet resources, we applied the methods of continuous sampling, analysis and comparing results. We have come to the conclusion, that the influence of English on German and Russian languages is approximately the same. Nevertheless, by comparing the development of relationships between these two pairs of languages, we have discovered that the paces and stages of these relationships are completely different. It is due to social, economic and political factors that the americanization of the German language has been arriving smoothly in series of steps during XX–XXI centuries, whereas the Russian language is now experiencing the first and probably the most massive attack of americanization.

Keywords: English, anglicisms, German, Russian, linguistic integration.